

От проклятого духа осталась лишь половина головы — остальное кто-то обглодал. Из единственной уцелевшей глазницы выпучилось налитое сине-черными венами яблоко. Оно с влажным шорохом повернулось к Харе и уставилось на него немигающим взглядом.

Спустя мгновение глазное яблоко возбужденно затрепетало. Полуоткрытый рот, усеянный частыми зазубренными зубами, исторг прерывистый, похожий на треск статического электричества шепот:

— Тебе... подарок... Подарок...

Харе затаил дыхание. Взгляд его мгновенно заledenел.

Прищурившись, он вгляделся в слабо мерцающую синеву глаз твари. В глубине чужого зрачка отчетливо виднелся обломок окровавленного ногтя. От него во все стороны расходилась тончайшая, похожая на грибницу паутина, намертво сросшаяся с глазным яблоком.

Струящаяся от ногтя темно-фиолетовая проклятая энергия дышала могильным холодом, вызывая инстинктивное отвращение. И все же, в отличие от прежнего духа, звавшегося «Божественный дух деревьев», этот источал силу, которая казалась Харе пугающе знакомой. Она была почти копией его собственной.

В прошлый раз Наоя ничего не заподозрил. Но поручиться за то, что и Дэндзи сейчас ничего не заметит, Харе не мог.

«Судя по словам этой твари, она — очередное мое творение. Сколько же проклятых предметов, впитывающих силу подношений, я успел создать? И почему этот носитель объявился именно здесь?

Говорит, подарок для меня? Нарочно обставил все так, будто это моя собственная зловещая поделка.

Черт. Сам ведь велел отыскать его, зачем тогда слать эту мерзость? Неужели боится, что я не приду?

Или у него другие планы?

А-а, как же бесит! Ненавижу размышлять над подобным, голова кругом идет!»

Харе застыл, не зная, куда девать обрубок головы проклятого духа. Он держал его перед собой, точно ядовитого гада, и чувствовал, как от напряжения затекает спина.

Если поглотить силу сейчас, как в прошлый раз, тело снова изменится, приняв жуткий,

пугающий облик. Предстать в таком виде перед Сукуной — полбеда, но сейчас рядом стояли Фукуяма и Дэндзи.

В худшем случае он напугает их до смерти или его самого сочтут проклятием. А если он потеряет контроль и набросится на них? Ни один исход не сулил ничего хорошего.

Выпустить сейчас Сукуну тоже нельзя. Насчет Дэндзи уверенности не было, но Фукуяма точно признает в нем Короля проклятий с первого же взгляда.

Что же делать? Выбросить нельзя — слишком силен фон, этот след призовет полчища новых тварей. Если просто прикончить духа, окровавленный ноготь никуда не денется. И прикоснуться к нему голыми руками опасно: проклятая сила мгновенно хлынет внутрь, стоит лишь коснуться кожи.

— Тебе... подарок... — пока он колебался, тварь снова зашевелила губами, изрыгая скрежещающие звуки.

Перекрывая надрывный визг бензопил Дэндзи, Харе сквозь зубы процедил:

— К черту твой подарок! Заткнись, я еще не решил, что с тобой делать!

Отдавать вещицу верхушке шаманов нельзя ни в коем случае. И этот проклятый проводник-ноготь тоже никто не должен видеть, иначе расследование мгновенно выведет на него самого.

«Старейшины из Главного управления магии — гнилые до мозга костей маразматики. Отец так говорил, а он никогда не ошибается. К тому же эти твари совсем недавно приговорили меня к казни»

— По... дарок... Хи-хи...

Дух то ли действительно не соображал, то ли издевался — он глумливо осклабился и снова выдавил мерзкий смешок.

Терпение Харе лопнуло. Он бесцеремонно зажал чудовищу пасть, заставляя заткнуться. В ту же секунду надрывный рев бензопилы за его спиной оборвался.

Харе обернулся. У входа стоял бледный как полотно Фукуяма, а чуть поодаль — уже принявший человеческий облик Дэндзи.

Утирая кровь у рта, Дэндзи широко осклабился, выставив напоказ острые акульи зубы:

— Ха-ха-ха! Готовы, всех до единого положил! Уф, ну и устал же я... Редкостная гадость на вкус, то ли дело твоя кровь, Харе...

На полуслове он замолк, заприметив огрызок чудовища в руках друга. Шлепая по склизким, медленно тающим ошметкам плоти, Дэндзи двинулся к нему:

— Ого? А этот ублюдок еще дышит? Чего он там вякал?

— Стой где стоишь! — выкрикнул Харе, судорожно пряча голову проклятия за спину.

Дэндзи послушно замер и непонимающе склонил голову набок.

— Эта... штука чрезвычайно опасна, — выдавил Харе.

— Чего тогда вцепился в нее? А ну отойди... — Дэндзи тут же занес руку над стартером у себя на груди, готовый снова превратиться в бензопилу и раскромсать остатки духа.

Заметив их переполох, занервничал и Фукуяма:

— Дэндзи! Харе! Вы целы? Что у тебя в руках? Если это проклятый объект особого ранга, у меня с собой специальная клетка с печатями...

Вспомогательный куратор заранее рассудил, что приманку для тварей придется изъять и передать наверх, а потому прихватил из машины защитный короб. Он продемонстрировал Харе металлический ящик, напоминающий птичью клетку длиной в локоть, сплошь усеянный бумажными оберегами-офуда.

Стоило Харе увидеть эту клетку, как лицо его мертвенно побледнело. Дыхание перехватило, взгляд заметался между вспомогательным куратором и опутанными печатями прутьями.

Строгий черный костюм, клетка, исписанные багровой тушью листки бумаги... Все точь-в-точь как в тех кошмарах, где его, еще беззащитное проклятое чрево, увозили в неизвестность.

— Пошел вон! Убери это от меня! — Харе резко попятился, не отрывая дикого, полного ярости взгляда от проклятой клетки.

Окружающие оторопели. Дэндзи перевел взгляд с друга на вспомогательного куратора и, решив, что Харе учуял в мужчине замаскированного монстра, грозно насунился:

— Эй! Слышь, очкарик, ты тоже из этих ублюдков?!

— Да нет же! Дэндзи, Харе, возьмите себя в руки! — лоб Фукуямы покрылся испариной. Он понятия не имел, почему этот тихий черноволосый мальчик так взбеленился из-за обычной клетки.

Вспышки воспоминаний накладывались на реальность. Свист собственного рваного дыхания глушил голоса. Разум Харе застилала пелена паники — прутья клетки приковали к себе все его существо. Им овладело лишь два желания: бежать отсюда без оглядки и разорвать на части любого, кто посмеет посягнуть на его свободу.

Его свободная рука непроизвольно дернулась вверх:

— Сдохни...

«Расслабься, малявка», — лениво раздалось в его голове.

Голос Сукуны, глубокий и ровный, так разительно отличался от окружающего хаоса, что Харе невольно вздрогнул. В этом низком тембре сквозила непоколебимая уверенность хищника, стоящего на самой вершине пищевой цепочки.

Эта ледяная уверенность подействовала на Харе отрезвляюще, утихомиривая бурю в его груди, словно чья-то невидимая рука пригладила вставшую дыбом шерсть. Судорожные вздохи сменились размеренным дыханием.

«Вот так, умница, — в голосе проклятия послышалась снисходительная усмешка. Он не поспешил на похвалу и тут же скомандовал: — Теперь убирайся туда, где тебя никто не увидит, и впитай эту дрянь. Я помогу сожрать ее, как и в прошлый раз»

«С чего бы это тебе проявлять такую заботу?» — мысленно спросил Харе, нахмурившись.

Ни издевок, ни привычного злорадства.

Из отчетов Харе помнил, что Король проклятий презирает слабаков. А ведь он только что едва не сошел с ума от вида дурацкой клетки — в глазах этого чудовища он должен был выглядеть жалким трусом. Зачем тогда Сукуна протягивает руку помощи?

И впрямь... почему?

Сукуна моргнул, его алые глаза на мгновение выдали секундное замешательство.

Почувствовав дикий, удушливый страх мальчишки, он невольно вспомнил те картины из его детских снов. Жизнь этого ублюдка мало чем отличалась от его собственного неприкаянного детства. В груди шевельнулось нечто странное, заставившее его заговорить.

Но какова истинная причина?

Перед внутренним взором некстати всплыли заплаканные глаза Харе, покрасневшая кожа на его искусанной груди, тонкие руки, обхватившие шею Короля проклятий... Вспомнился приторно-сладкий вкус его крови, стекающей в глотку, и безвольно дрожащие колени, когда мальчишка из последних сил цеплялся за него.

— Цыц, мелюзга! Не хочешь — выпутывайся сам! — огрызнулся раздраженный собственной слабостью Сукуна.

Он недовольно нахмурился. Ощущение щемящей пустоты, возникшее, когда он перенял страх Харе, никак не проходило.

«Всего лишь временное пристанище для моей души. Очередное лакомое блюдо, забавное маленькое проклятие... С чего бы мне заботиться о его чувствах?

Вздор. Мне плевать. Я помогаю ему только потому, что у меня хорошее расположение духа и я не прочь перекусить»

К тому же этот глупец вряд ли догадывался, что после прошлого поглощения их души стали гораздо ближе. Теперь, находясь внутри Харе, Сукуна отчетливо, до мельчайших оттенков улавливал любые перемены в его настроении.

Да, незримые оковы все еще удерживали его подле сосуда. Но кто знает — если повторить этот трюк еще несколько раз, проклятые цепи ослабнут настолько, что их можно будет разорвать одним рывком.

Определенно, мотив был именно в этом. Сукуна удовлетворенно хмыкнул, и в ту же секунду в его мыслях раздался поспешный ответ Харе:

«Давай! Сожри ее!»

Харе заставил себя отвести взгляд от железных прутьев в руках вспомогательного куратора. Уставившись на корчащуюся у ног плоть, он глухо произнес:

— Эта тварь слишком опасна. Отойдите назад, я должен уничтожить ее там, где никто не пострадает...

Договорить он не успел. Раздался влажный хлопок — и обрубок головы лопнул прямо в его ладони, превратившись в склизкое месиво.

— Какого... — вырвалось у Харе.

— Оп-па, — выдавил Дэндзи.

— Мама дорогая! — взвизгнул Фукуяма.

Все трое остолбенели, уставившись на испачканную руку мальчика.

Из расплзающейся жижи повалил густой фиолетовый туман проклятой энергии. Но не успело облако рассеяться, как протуберанцы тьмы резко ринулись вспять, устремляясь в его ладонь.

Харе почувствовал, как кожу обожгло ледяным холодом. Знакомая мертвящая сила безумным вихрем хлынула по венам. От резкой боли в суставах он согнулся пополам и сквозь зубы крикнул застывшим приятелям:

— Бегите! Быстро!

Поднялся ураганный ветер. Дэндзи отнесло к самому выходу; он ошарашенно наблюдал за Харе, чья одежда и волосы яростно бились на ветру.

Из лопаток и спины мальчика рвались клубы черного дыма, принимая очертания извивающихся щупалец. Они шипели и изгибались подобно змеям, готовым в любой миг совершить смертоносный бросок.

А посреди этого жуткого змеиноного логова стоял сам Харе. Он медленно закрыл глаза, и на его бледных губах проступила безумная, пугающая улыбка.

— Харе! — закричал Фукуяма, пытаясь удержаться на ногах против бушующего потока воздуха. Паника окончательно овладела вспомогательным куратором; он лихорадочно выудил из кармана телефон, но пальцы не слушались, а разум отказывался соображать, кому звонить в такую минуту.

Годжо и Гето сейчас на задании, связаться с ними не выйдет. Остается только директор Яга...

Но стоило ему занести палец над экраном, как чья-то окровавленная ладонь перехватила его запястье. Это был Дэндзи.

— Остынь. Кажется, его отпускает, — парень мотнул головой в сторону бури.

Вихрь утих так же стремительно, как и начался. Взъерошенные черные волосы Харе послушно упали на лоб. Он медленно приоткрыл веки и уставился на свою ладонь — проклятый осколок бесследно растаял в его плоти.

<http://bllate.org/book/19043/1960933>